

УДК 94(470)

Т.Ю. Зима

ТОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Рассматривается Томское отделение Императорского русского музыкального общества как явление феноменальное на культурном поле всего сибирского региона и вскрываются причины его успешности в период последней четверти XIX – начала XX в.

Ключевые слова: Томское отделение Императорского русского музыкального общества; Сибирский регион; конец XIX – начало XX в.

Последнее двадцатилетие постсоветская культурология пытается восполнить возникший в XX в. пробел в истории отечественной музыкальной культуры, связанный с «царским детищем», коим было Русское музыкальное общество (РМО). Это уникальное явление российского социума возникло на пороге великих реформ XIX в. (в 1859 г. и к началу XX в. «проросло» десятками своих отделений по стране). Долгое время оно оставалось единственной хорошо отлаженной просветительно-образовательной системой на территории огромной империи – от Варшавы до Владивостока и от Кронштадта до Астрахани.

С разным временным отставанием от столичного провинциальные РМО создавались по его образцу и подобию. Как правило, они удачно встраивались в систему ценностных координат местной культуры, становясь очагами музыкального просвещения и профессионального образования, решая сложнейшую задачу воспитания у населения вкуса к классической музыке и подготовки музыканта-профессионала. В 1870-е гг. «это веяние» дошло до Сибири, и прежде всего до такой её глубинки, как Нерчинск. Здесь в 1874/75 г. открылось первое в Зауралье Отделение Императорского русского музыкального общества (ИРМО).

Вслед за этим меломаны в Омске, Тобольске и Томске получили из Главной дирекции ИРМО ответы о положительном решении вопроса об учреждении в их городах отделений. Произошло это в 1876, 1878 и 1879 гг. соответственно [1]. Лишь в начале XX в. стало возможным открыть подобное отделение в Иркутске (1901), а в 1909 г. – во Владивостоке. Без малого за шесть десятилетий существования Русского музыкального общества только шесть его отделений функционировали на огромной территории от Урала до Тихого океана. А всего к 1917 г. их по стране насчитывалось более 50, но в это число из сибирских уже не входили Нерчинское (прекратило свою деятельность в 1880-х гг.) и Иркутское (закрылось в канун Первой мировой войны). Надо заметить, что основы ИРМО, в частности образовательный сегмент, оказались столь прочными, что пережили революционные трансформации XX в.

Деятельность всех отделений ИРМО, конечно, положительно влияла на изменение культурной среды того или иного города. Судьба каждого общества зави-

села от конкретной ситуации. Почему Томское музыкальное общество выгодно отличалось от таких же, имевшихся в данном регионе? Среди ответов наиважнейшими определим «человеческий фактор» и «социальную специфику» города. Финансовая составляющая – лишь на третьем месте. Именно такая «триада»: *носитель* идеи – социальная *среда* с её духовными потребностями – *средства* воплощения идеи в реальность = залог успешности всякого начинания; в данном случае – создания отделения ИРМО и его «живучести». Данная сентенция легко доказуема конкретными примерами.

Первый из них – Нерчинск, считавшийся в XIX в. культурной столицей Забайкалья, особенно во времена господства в нём купеческих династий Кандинских, Бутиных и др. Имя золотопромышленника М.Д. Бутина (1835–1907) и роскошь его дворца в «мавританском стиле» упоминается в воспоминаниях всех, кому довелось в нём побывать (вплоть до цесаревича Николая, будущего императора) и ощутить беспредельное гостеприимство его хозяина. Вот, например, что писал польский политссылный, врач и зоолог Б. Дыбовский (1833–1930): «Я приехал и остановился перед настоящим дворцом. Во всей Восточной Сибири не было такого прекрасного жилого здания, а также так дорого меблированных салонов, столовой, концертного зала, где стоял большой орган, игравший на многочисленных балах всё то, что было прекрасного в музыке, исполняемой оркестром на концертных сценах» [2. С. 214]. В особом восторге пребывала в выделенных двух комнатах с балконом на чудесный сад певица императорских театров Дарья Михайловна Леонова (1835–1896), совершавшая в 1874–1875 гг. кругосветное гастрольное турне через Сибирь и Дальний Восток в Китай, Японию, США. В Нерчинске она дала в мае 1875 г. четыре концерта с оркестром (!) [3]. Выступление этой «королевы Азучен» перед нерчинской публикой стало грандиозным событием в ряду балов, маскарадов, литературно-музыкальных гостиных, регулярно устраиваемых в стенах «дикивинного Палаццо» (как называл его сам хозяин).

Михаил Дмитриевич Бутин поднялся из приказчиков до купца-миллионщика первой гильдии. Он был блестяще образован, музыку любил настолько, что до-

бился открытия Нерчинского отделения ИРМО с музыкальной школой, «34 ученика оркестрового класса которой за 1876 г. устроили 8 концертов под управлением М.Л. Маурица». Этот удивительный дом, превращенный в модный салон, и «прекрасный оркестр» отмечал в начале 1880-х гг. государственный деятель М.Н. Галкин-Врасский (1834–1916). Он, бывший саратовский губернатор, а затем член Государственного совета (1896 г.), оставался до конца дней своих постоянным уполномоченным в Главной дирекции ИРМО от Саратовского отделения, созданию которого в своё время немало способствовал. Хорошо зная изнутри деятельность организации, находящейся под августейшим покровительством и впечатлённый в месте каторги и ссылки светской жизнью, Михаил Николаевич не умолчал в путевом дневнике и о существовании в далёком Забайкалье отделения ИРМО [4].

К сожалению, деятельность Нерчинского музыкального общества закончилась ровно тогда, когда у братьев Бутиных наступила чёрная полоса жизни и они были разорены. Это – красноречивый пример того, что в обозначенной выше триаде дал сбой один из компонентов. Конкретная ситуация высветила то обстоятельство, что на такую форму профессиональной музыкальной культуры европейского типа в Нерчинске реально не было «соцзаказа», а значит, «вживание» данного музыкального новшества в местную социокультурную среду происходило под влиянием одной личности – М.Д. Бутина. После закрытия Нерчинского отделения ИРМО забайкальский социум продолжал оставаться на уровне «музыки повседневности», домашнего музицирования на семейных вечерах да звучания военного оркестра этого восточного форпоста Российской империи.

Вплоть до начала XX в. «не складывался пазл» в Иркутске – столице Восточной Сибири. Социум этого торгово-купеческого города долгие годы довольствовался частными уроками музыки, музыкальной грамотой в Девичьем институте, Учительской и Духовной семинариях, в ряде учебных заведений города, а также редкими гастрольными выступлениями знаменитостей, подобных Д.М. Леоновой (12 февраля 1875 г. здесь состоялся её первый концерт), пианистов Рейзенауэра и Ан. Контского, «короля флейты» Тершака и др. Правда, вопрос об открытии в Иркутске музыкальной школы впервые был поднят на страницах газеты «Сибирь» еще 11 марта 1879 г., но лишь выпускнику Петербургской консерватории, «свободному художнику» Анатолию Юльевичу Гинита-Пилсудскому удалось в самом конце XIX в. открыть здесь свою частную музыкальную школу [5]. Вскоре начались хлопоты и об учреждении Иркутского отделения ИРМО. На рубеже веков все объективные предпосылки к тому уже имелись: после активного пореформенного переселения сюда инициативных людей из европейской части России восточносибирский край словно «пробудился к культуре». Местное купечество со своими капиталами

стало более образованным и просвещенным по сравнению с предыдущими поколениями. В Российской империи народился совершенно новый класс людей – профессиональные музыканты, для приложения умений которых были открыты все пути. Наконец, Транссибирская магистраль тоже немало способствовала возникновению «социокультурных заказов». 13 марта 1901 г. «Иркутские губернские ведомости» сообщили о разрешении Главной дирекции ИРМО открыть его отделение в Иркутске. С 1 сентября того же года при нём начали функционировать музыкальные классы [6, 7], которые не пришлось создавать с нуля, ибо А.Ю. Гинита-Пилсудский в мае всё того же года фактически сбежал из города, оставив долги кредиторам и бросил на произвол судьбы свою частную музыкальную школу. Она-то и стала образовательной составляющей в деятельности новоявленного ИО ИРМО. Через 13 лет отделение прекратило своё существование, несмотря на то что создавалось под эгидой высшей чиновничьей власти в регионе и функционировало благодаря таким знаковым для иркутского общества фигурам, как выпускникам Петербургской консерватории – пианистке Евгении Григорьевне Городецкой (1865–1940), виолончелисту Адриану Феодосьевичу Вербову (1859–1936), скрипачу Михаилу Николаевичу Синицыну (1874–1962), композитору Рафаилу Александровичу Иванову (1869–1915) и коренным иркутянам – певцу В.И. Лосеву, слепому музыканту В.П. Беляеву, организатору оркестров народных инструментов Е.П. Медведеву, вышедшему на всероссийский уровень пианисту А.Л. Ферштеру и др. [8. С. 248–259].

Почему же при наличии в городе столь солидных музыкальных сил 10 сентября 1914 г. Иркутское отделение Императорского русского музыкального общества было ликвидировано? Главная причина, думается, опять та же: сбой в триаде «носитель идеи – соцзаказ – финансы». Если в Нерчинске благое начинание целиком и полностью держалось на конкретной личности (носитель идеи) и его финансовых вливаниях при отсутствии потребности социума в данном начинании, то в Иркутске не оказалось по-настоящему энергичной личности, которая смогла бы удержать начатое дело на плаву. Значит, отклонение в первом звене триады повлекло за собой и всё остальное. При довольно индифферентном отношении членов ИО ИРМО к своему детищу остыл пыл и у купцов, его субсидирующих. Без материальной поддержки практически невозможно претворение в жизнь даже самой гениальной идеи.

Почему та же Городецкая не «болела всей душой» за жизнеспособность Иркутского ИРМО? Ответ предельно прост: она в 1905 г. открыла свою частную музыкальную школу, которой, естественно, посвящала большую часть времени и сил. Мало того, эта школа по уровню подготовки учащихся вполне могла конкурировать с музыкальными классами ИО ИРМО, которые для Городецкой являлись, скорее всего, лишь источником дополнительного дохода (как и работа в Девичьем

институте, где она преподавала с 1904 г.). Схожая ситуация сложилась и с другими вышеназванными персонами, слывшими в иркутском музыкальном мире известными педагогами и вместе с тем воспитателями слушательской аудитории на концертах ИО ИРМО, участие в которых помогало им не терять исполнительскую форму и служило некой отдушиной. Все они не особо были заинтересованы в сохранении ИО ИРМО, так как в начале XX в. в Иркутске уже не ощущалось острой необходимости в существовании этого «царского детища»; иркутский социокультурный ландшафт был заполнен всевозможными просветительскими обществами с музыкальными отделами. В многочисленных учебных заведениях обязательным курсом образовательных программ был курс обучения музыке (пусть и не профессионального). И уж никак Иркутское отделение ИРМО не могло контролировать выступления многих и многих гастролёров и, тем более, заезжих опереточных и оперных антреприз. Такая в целом благоприятная для музыкального просветительства ситуация на пороге Первой мировой войны для ИО ИРМО осложнялась еще и отказом купцов от его финансирования (главная дирекция отпускала сущие копейки). Как видно, в принятой нами триаде полностью сломался весь механизм – перестали срабатывать все три его компонента.

В другом восточносибирском центре – Красноярске – в это время происходили процессы, свойственные западносибирским еще в 1870-х гг. В силу специфики красноярского социума (было большое количество рабочих-железнодорожников) город жил в сложившихся в нем культурных традициях – наряду с достаточно серьезной постановкой музыкально-театрального дела и выступлениями гастролёров-знаменитостей всё же превалировали музыка быта, музыкальное любительство, оркестр балалаечников, частное обучение музыке. На этой почве и вызревала тяга к новым формам бытования музыки [9]. Несмотря на то что в Красноярске имелись и толстосумы (Гадаловы, Кузнецовы и пр.), и музыкально одаренные люди (И.М. Суходрев, М.М. Крамник, П.И. Иванов-Радкевич и др.), дело до открытия здесь отделения ИРМО так и не дошло.

К полувековому юбилею Петербургского ИРМО насчитывалось уже более 40 его отделений по всей стране. К ним в юбилейном году добавилось еще одно, открытое во Владивостоке. Здесь, в самом отдалённом от российских столиц населённом пункте, специфический приморский уклад жизни в силу исторически сложившейся ситуации наполнялся звучанием корабельных и береговых оркестров [10]. Сюда, с одной стороны, постоянно «завозились» заморские новшества, с другой – из европейской части России «доносились» свежие веяния. Еще в 1873–1884 гг. на посту инспектора военно-музыкальных хоров Морского ведомства прогрессивную деятельность вёл Н.А. Римский-Корсаков, что в большой степени затронуло оркестры портов Восточного океана [9]. А в 1909 г. инициатив-

ный местный судья Захарий Петрович Понафидин, меломан и музыкальный подвижник, получил с берегов Невы разрешение на открытие отделения ИРМО. Новое отделение ИРМО вполне успешно функционировало в данном регионе до 1920 г., осуществляя, согласно уставу этой организации, как образовательную, так и концертно-просветительскую деятельность [11–13].

Еще более знаменательно то, что покинувшие отечество русские эмигранты с Дальнего Востока продолжили свою деятельность в Шанхае, создав там Музыкальное общество (подобное ВО ИРМО), что можно считать образцовым примером незыблемого правила триады: за рубежом, в вынужденном мини-социуме, где как воздух было необходимо всё родное и привычное, *носители* идеи продолжали её реализацию, изыскивая для этого определённые материальные *средства*.

В границах молодого советского государства в это время проходили грандиозные преобразования во всех сферах общественного устройства. Всё требовалось «разрушить до основания, а затем...» строить новый мир. В этом новом мире очень даже пригодился опыт музыкально-образовательных учебных заведений упразднённого в 1917 г. Императорского русского музыкального общества. Именно поэтому Петербургская, Московская, Саратовская консерватории, а также «до основания не разрушенные» Пензенское, Нижегородское, Тамбовское, Воронежское и другие музыкальные училища отмечали в начале XXI в. солидные юбилеи. Среди них 100 лет в 2012 г. исполнилось и Томскому. Оно «выросло» из музыкальных классов ТО ИРМО, которые, в свою очередь, открылись после долгих и упорных забот местных энтузиастов в феврале 1893 г.² [1. С. 236; 14; 15]. В отличие от Томска, в 1912 г. были вынуждены приостановить свою восьмилетнюю деятельность Тобольские классы ИРМО, а Омские отмечали лишь годовщину своего существования.

После того как центр западносибирского генерал-губернаторства переместился из Тобольска в военноказачий Омск, в этих городах сменились и культурологические акценты. Во второй половине XIX в. «высший свет» тобольского общества еще силился не отставать от передовых веяний российской художественной культуры, но к началу XX в. он скромно и тихо жил теми радостями, которые теплились в стенах прекрасного здания местного театра и губернского музея, в выступлениях очень редких заезжих музыкантов (в силу отдалённости от «столбовой дороги») и на концертах отделения ИРМО, открытого здесь в 1878 г. [1. С. 60]. Из-за частой смены его членов (как правило, в связи с отъездом на другое местожительство), отсутствия настоящих энтузиастов и достаточного количества музыкально образованных людей деятельность этой организации можно оценить как уныло-стабильную (судя по годовым отчётам). Тех, кто составлял ядро Тобольского ИРМО, вполне устраивало такое «вялотекущее» состояние их отделения. Членство в нём придавало ощущение сопричастности к делу, ко-

тому покровительствует сам Императорский дом, и прибавляло внешней значимости в глазах окружающих. Всё это на концертных программах не отражалось лучшим образом – они из года в год оставались скромными, а сами концерты – редкими. Поэтому говорить всерьёз о воспитании широкой аудитории на вечерах классической музыки в Тобольске по большому счету не приходится. Идея о профессиональном музыкальном образовании тут вызревала медленно и реализовалась только через десятилетие после Томского, а через восемь лет находилось под угрозой закрытия.

В Омском отделении ИРМО наблюдалась почти аналогичная картина (несмотря на выгодное месторасположение и наличие таких музыкантов, как А.И. Даньшина, Е.А. Дмитриева-Мамонова и др.). Этот город стал первым среди западносибирских городов, где открылось отделение Императорского русского музыкального общества (1876 г.), но почему-то именно он стал последним в решении главной задачи, прописанной в уставе ИРМО – задачи подготовки музыкантов-профессионалов. В данном случае опять сработал человеческий фактор, но сработал с точностью до наоборот. До 1898 г. в Омске жила и участвовала в деятельности ОО ИРМО Елизавета Алексеевна Дмитриева-Мамонова (1847–19..?), некогда активно способствовавшая учреждению отделения ИРМО в Томске и выбранная им в почётные члены (вскоре её мужа перевели в Тобольск, а затем и в Омск). Частные уроки музыки практиковала в Омске великолепная пианистка, выпускница Петербургской консерватории (класс профессора Т.О. Лешетицкого) Александра Ивановна Даньшина. Имелись крепкие музыкантские силы и в военных заведениях Омска [16]. Создавали местное отделение ИРМО музыканты-любители, среди которых наиболее выгодно выделялся штатный преподаватель французского языка Омского кадетского корпуса Лев Станиславович Буланже. Он приехал в 1865 г. в Сибирь из Москвы и до конца своих дней (в 1907 г.) успешно сочетал основную работу с безвозмездным служением на музыкальной ниве. Он и его супруга Мария Федоровна стали почётными членами ОО ИРМО, которое открывали еще в 1876 г. [1. С. 59]. Думается, Л.С. Буланже тоже не жаждал создания музыкальных классов.

Лишь в Томске обстоятельства сложились настолько благоприятно для развития отделения ИРМО, что оно стало самым успешным на территории всей Русской Азии в рассматриваемый период. Каковы эти обстоятельства? Во-первых, в томской культурной среде всегда находились активные люди, которые на протяжении десятилетий не позволяли отделению дойти до точки невозврата (хотя до точки бифуркации оно доходило не единожды); находились энтузиасты, усилиями коих устраивались и проводились публичные концерты из новейших произведений композиторов-классиков, а также подвижники в деле музыкального образования, добившиеся открытия музыкальных классов ТО ИРМО и преобразования их в музыкальное училище [17]. Во-

вторых, с открытием в городе первого в азиатской части Российской империи университета, вопрос о социальном заказе на знакомство с серьёзной музыкой решился однозначно – с пополнением томского профессорско-преподавательского корпуса и увеличением числа студентов, без сомнения, «на классику» спрос обеспечен. В этой связи позиции ТО ИРМО в музыкальном пространстве Томска упрочились. В-третьих, одержимость членов местного музыкального общества помогала в изыскании *средств* для открытия и содержания профессионального учебного заведения (наём помещения, закупка нот, оклады педагогов и т.п.) и развития концертно-просветительской деятельности (аренда залов, переписка нот, настройка рояля, оплата исполнителям, печатание афиш, программ, анонсов в газетах и т.п.), благо в городе было достаточно отзывчивых купцов и вполне толерантных чиновников (начиная с губернатора).

16 мая 1878 г. Собрание законов Российской империи пополнилось новым государевым повелением – об учреждении Императорского сибирского университета в Томске. Первыми сюда приехали члены строительного комитета. Среди них – А.И. Дмитриев-Мамонов с супругой Елизаветой Алексеевной. Она сразу окунулась в музыкальную среду города, и при её активном участии в 1879 г. открылось в Томске отделение ИРМО [1. С. 64]. Но к началу 1880-х гг. уже многие его члены уехали, в том числе и Е.А. Дмитриева-Мамонова. Во всероссийской консервативной атмосфере для многих просветительских обществ наступил тяжелый период. Томское ИРМО тоже переживало не лучшие дни, находясь на грани закрытия. Но этого не случилось благодаря вновь прибывшим энтузиастам. Одним из них стал коммивояжер Андрей Андреевич Ауэрбах, свободное время которого сам губернатор И.И. Красовский посоветовал занять делами местного музыкального общества [18]. Его процветанию Ауэрбах отдал 15 лет жизни и немало сил. Вместе с другим энтузиастом – Григорием Севериновичем Томашинским, правителем канцелярии попечителя Западно-Сибирского учебного округа – они открыли в 1893 г. музыкальные классы ТО ИРМО. Их единомышленником и верным соратником стала Камилла Ивановна Томашинская (урожд. Савицкая). Она осмелилась возглавлять отделение в тяжелый для него период – с 1886 по 1889 г.³, а в 1901 г. (после смерти мужа) открыла первую частную музыкальную школу в Томске. Позднее она участвовала в создании 1-го Сибирского хорового певческого общества, Народной консерватории и в концертах всех просветительских организаций выступала в качестве певицы, пианистки, концертмейстера приезжих музыкантов. Вплоть до 1919 г. К.И. Томашинская оставалась ярчайшей знаковой фигурой томской музыкальной культуры [1].

В музыкальные классы ТО ИРМО и после их преобразования в музыкальное училище (1912 г.) из ев-

ропейской части России приезжали педагоги с дипломами «свободный художник», получившие в столичных консерваториях классическое музыкальное образование. Многие не выдерживали «сибирской специфики» и надолго не задерживались, но были и те, кто навсегда связал свою жизнь с Томском. Они, как и Томашинская, становились знаковыми фигурами, составляя творческую элиту местного значения. К таковым относятся скрипач Яков Соломонович Медлин, пианистки Феофания Николаевна Тютрюмова (187?–1937), открывшая в 1908 г. вторую частную музыкальную школу, и Анна Яковлевна Александрова-Левенсон (1854–1930), супруга университетского профессора-фармаколога Н.А. Александрова, и др. Профессура, преподаватели и студенчество томских вузов (университета, технологического института), учительского

института составляли особую прослойку местного социума, которая принимала участие в деятельности почти всех просветительских обществ города, составляла аудиторию, а порой являлась гарантом для благотворительности местных купцов и меценатов. Все они, становясь членами ТО ИРМО [19] и посильно участвуя в его развитии, способствовали его успешности. Учитывая то обстоятельство, что в Томском ИРМО безупречно сработала обозначенная триада и оно наиболее выгодно выделялось на фоне остальных зауральских отделений, нельзя умалять и значения остальных отделений ИРМО в Азиатской России, так как в целом их деятельность, бесспорно, изменяла не только инфраструктуру музыкального пространства, но и влияла на геополе общественного музыкального сознания всего этого обширного региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этот статус был получен вместе с новым Уставом в 1873 г. (!), а не в 1869 г., как ошибочно указано в советской «Музыкальной энциклопедии» (Т. 4. С. 795). Ошибка эта продолжает и по сей день присутствовать в исследованиях означенной тематики.

² Досадно, что в конце XX в. в солидном труде «Музыкальная культура Сибири» исследователи Т. Роменская и Б. Селиванов растиражировали историческую неточность, датировав данное событие 1894 г. [16. С. 391], тогда как Томское отделение ИРМО в это время отмечало уже годовщину своих музыкальных классов.

³ Одно дело, когда не соответствующий историческим реалиям факт передается из уст в уста, и совсем иное, если этот факт тиражируется в печатных изданиях. Например, в сборнике статей «Давайте вспомним» [под ред. Н.П. Кириллова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. Вып. 2. С. 153] автор пишет, что первый ректор Университета Н.А. Гезехус «возглавил местное отделение Русского музыкального общества». На самом деле он никогда не был председателем ТО ИРМО, а только лишь директором, наряду с другими, входящими в дирекцию Отделения в сезоне 1888/89 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куперт Т.Ю. Музыкальное прошлое Томска (в письмах к А.Г. Рубинштейну). Томск. 2006. 787 с.
2. Эйльбарт Н.В. Нерчинские купцы Бутины в воспоминаниях Б. Дыбовского // Учёные записки ЗабГГПУ. 2012. № 1. С. 213–216.
3. Леонова Д.М. Воспоминания // Исторический вестник. СПб., 1891. № 1–4.
4. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881–1882 гг.: из путевого дневника М.Н. Галкина-Врасского // Русская старина. 1901. № 1.
5. Новосёлова О.П. Музыкальная жизнь Восточной Сибири второй половины XIX века в глазах современников. Иркутск, 2001.
6. Сибирь (Иркутск). 1914. 28 сент.
7. Иркутские губернские ведомости. 1901. 29 авг.
8. Харкеевич И.Ю. Музыкальная культура Иркутска. Иркутск, 1987. 277 с.
9. Кривошея Б.Г., Лаврушева Э.М. Музыкальная жизнь Красноярска. Красноярск, 1983.
10. Матвейчук В.П. Военные оркестры на Тихоокеанском флоте и развитие музыкальной культуры Дальнего Востока (1860–1990) : дис. ... канд. искусств. М., 1996. 242 с.
11. Дьябелло Л.А. Фортепианная культура Сибири и Дальнего Востока: дис. канд. искусств. Л., 1989. 187 с.
12. Королёва В.А. Музыкальная культура юга Дальнего Востока России. 1917–1929.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1996. 355 с.
13. Марчишина Т.В. История профессионального музыкального образования на юге Дальнего Востока России (1880–1970 гг.): дис. ...канд. искусств. Владивосток, 2004.
14. Сибирский вестник. 1893. 10 фев.
15. Белокрыс М.А. Музыкальная элита старого Омска: исторический очерк (XVIII – начало XX веков). Омск, 2009. 364 с.
16. Музыкальная культура Сибири : в 3 т. Новосибирск, 1997. Т. 2, кн. 2: Музыкальная культура Сибири второй половины XIX – начала XX века. 510 с.
17. Отчёты Томского отделения ИРМО за 1879–1917 годы. Томск, 1880–1918.
18. Ауэрбах А.А. Воспоминания // Исторический вестник. 1905. № 8–12.
19. Зима Т. Ю. Вклад томской профессуры в развитие музыкальной культуры города в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. Томск. 2013. № 5 (25). С. 138–144.

Zima Tatyana Yu. Moscow State University of Culture and Arts (Moscow, Russian Federation). E-mail: zima-ta@yandex.ru

TOMSK BRANCH OF THE IMPERIAL RUSSIAN MUSICAL SOCIETY AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON IN SIBIRIAN IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES.

Keywords: Tomsk Branch of the IRMS; socio-cultural phenomenon; Siberia and the Far East; the first University city in Siberia; the late 19th – early 20th centuries.

The article considers the Tomsk Branch of the Imperial Russian Musical Society (TB IRMS) as a socio-cultural phenomenon in the entire Asian part of Russia in the last quarter of the 19th – early 20th centuries. The author identifies objective and subjective reasons for the successful activity of the TB IRMS. In this period of history Branches of IRMS were opened at many points in the area from the Urals to the Pacific: in Nerchinsk (1874/75), Omsk (1876), Tobolsk (1878), Tomsk (1879), Irkutsk (1901) and Vladivostok (1909).

However, already by 1917 the Branches in Irkutsk and Nerchinsk had no longer existed, their activities stopped for different reasons. On this background, what explains the “viability” and especial success of the IRMS Tomsk Branch? In our view, this is accounted for by the presence of the three indispensable factors (elements): the individual enthusiast (idea carrier), society’s willingness to accept this idea (i.e., the degree to which the society needs this idea), and, finally, the financial resources to implement this idea (or the given plan). It is this triad – “an individual, a carrier of the idea – the social environment with its spiritual needs – the availability of material resources for the implementation of the idea” that is the key to the success of each endeavor. In our case this endeavor was the establishment of the IRMS Branch. If at least one of these components is missing, the whole structure collapses which in the best case leads to the “tipping point” and in the worst case – to the point of no return (as it happened with the Nerchinsk and Irkutsk Branches of the IRMS). The article examines the impact of all these factors on the establishment and activities of the IRMS Branches in the cities of Siberia and the Russian Far East, such as Omsk, Tobolsk, Tomsk, Krasnoyarsk, Irkutsk, Nerchinsk, Vladivostok. Tomsk, as the first University city of Siberia, was lucky. Here, all the three components of the “triad” had combined in a “puzzle” by 1879. And the Tomsk Branch of the IRMS developed actively, opening in 1893 Classes of Music which were later transformed into a Musical College. In 2012 it celebrated its centenary (like many other musical colleges in the European part of Russia). After the IRMS, the “engendering of the Tsarism”, was dissolved in 1917, its educational element proved to be rather viable. A bright example of this is the School of Music in Tomsk which had been opened before the revolution and continued to develop throughout the 20th century, earning a reputation of the most professional school in the cultural space not only of the city, but of the whole Siberian region.

REFERENCES

1. Kupert T.Yu. *Muzykal'noe proshloe Tomska (v pis'makh k A.G. Rubinshteynu)* [The musical past of Tomsk (in letters to A.G. Rubenstein)]. Tomsk, 2006. 787 p.
2. Eyl'bart N.V. Nerchinskies kuptsy Butiny v vospominaniyakh B. Dybovskogo [The Butins, Nerchinsk merchants, in the memoirs of B. Dybovsky]. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, 2012, no. 1, pp. 213–216.
3. Leonova D.M. Vospominaniya [Memoirs]. *Istoricheskiy vestnik*, St. Petersburg, 1891, no. 1–4.
4. Poezdka v Sibir' i na ostrov Sakhalin v 1881–1882 gg.: iz putevogo dnevnika M.N. Galkina-Vrasskogo [Trip to Siberia and to the island of Sakhalin in 1881–1882: from M.N. Galkin-Vrassky's traveling diary]. *Russkaya starina*, 1901, no. 1.
5. Novoselova O.P. *Muzykal'naya zhizn' Vostochnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX veka v glazakh sovremennikov* [The musical life of Eastern Siberia of the second half of the 19th century in the opinion of the contemporaries]. Irkutsk, 2001.
6. *Sibir'*. Irkutsk, September 28, 1914.
7. *Irkutskie gubernskie vedomosti*. August 29, 1901.
8. Kharkeevich I.Yu. *Muzykal'naya kul'tura Irkutsk* [The musical culture of Irkutsk]. Irkutsk, 1987. 277 p.
9. Krivosheya B.G., Lavrusheva E.M. *Muzykal'naya zhizn' Krasnoyarska* [The musical life of Krasnoyarsk]. Krasnoyarsk, 1983.
10. Matveychuk V.P. *Voennye orkestiry na Tikhookeanskom flote i razvitie muzykal'noy kul'tury Dal'nego Vostoka (1860–1990)*. Diss. kand. iskusstv [Military orchestras in the Pacific ocean fleet and development of the musical culture of the Far East (1860–1990). Arts Cand. Diss.]. Moscow, 1996. 242 p.
11. D'yabelko L.A. *Fortepiannaya kul'tura Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Diss. kand. iskusstv [The piano culture of Siberia and the Far East. Arts Cand. Diss.]. Leningrad, 1989. 187 p.
12. Koroleva V.A. *Muzykal'naya kul'tura yuga Dal'nego Vostoka Rossii. 1917–1929*. Diss. kand. ist. nauk [The musical culture of the southern Far East of Russia. 1917–1929. Hist. Cand. Diss.]. Vladivostok, 1996. 355 p.
13. Marchishina T.V. *Istoriya professional'nogo muzykal'nogo obrazovaniya na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (1880–1970 gg.)*. Diss. kand. iskusstv [The history of professional music education in the southern Far East of Russia (1880–1970)]. Vladivostok, 2004.
14. *Sibirskiy vestnik*. February 10, 1893.
15. Belokrys M.A. *Muzykal'naya elita starogo Omska: istoricheskiy ocherk (XVIII – nachalo XX vekov)* [The musical elite of old Omsk: a historical essay (the 18th – early 20th centuries)]. Omsk, 2009. 364 p.
16. *Muzykal'naya kul'tura Sibiri: v 3-kh t.* [The musical culture of Siberia. In 3 vols.]. Novosibirsk, 1997, vol. 2, book 2. 510 p.
17. Reports of Tomsk branch of the Imperial Russian Musical Society (IRMO) on 1879–1917. Tomsk, 1880–1918. (In Russian)
18. Auerbakh A.A. Vospominaniya [Memoirs]. *Istoricheskiy vestnik*, 1905, no. 8–12.
19. Zima T.Yu. Vklad tomskoy professury v razvitie muzykal'noy kul'tury goroda v kontse XIX – nachale XX vv. [The contribution of Tomsk professorship to the development of the city's musical culture in late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. Tomsk, 2013, no. 5 (25), pp. 138–144.